

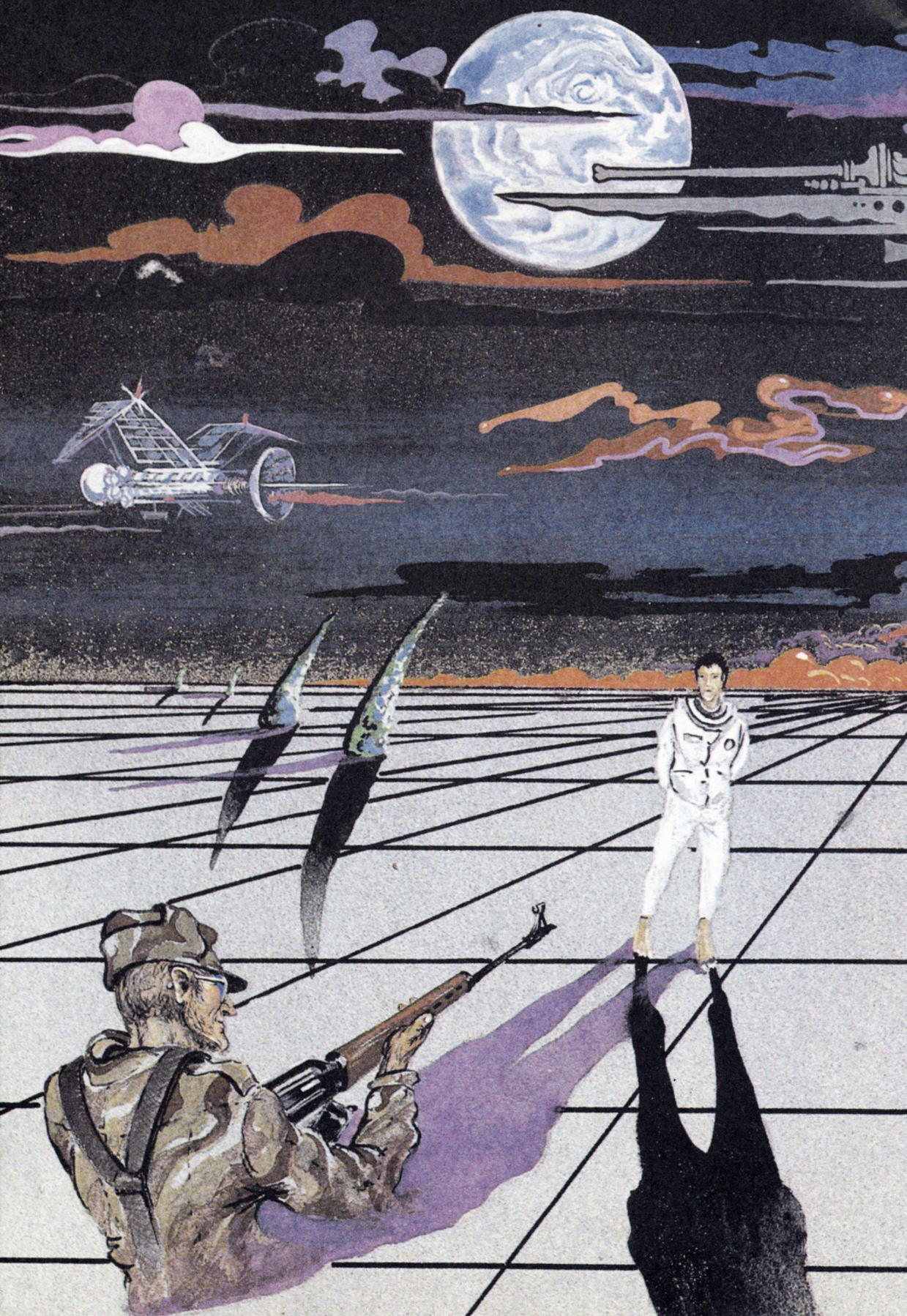
ISSN 0131-8063

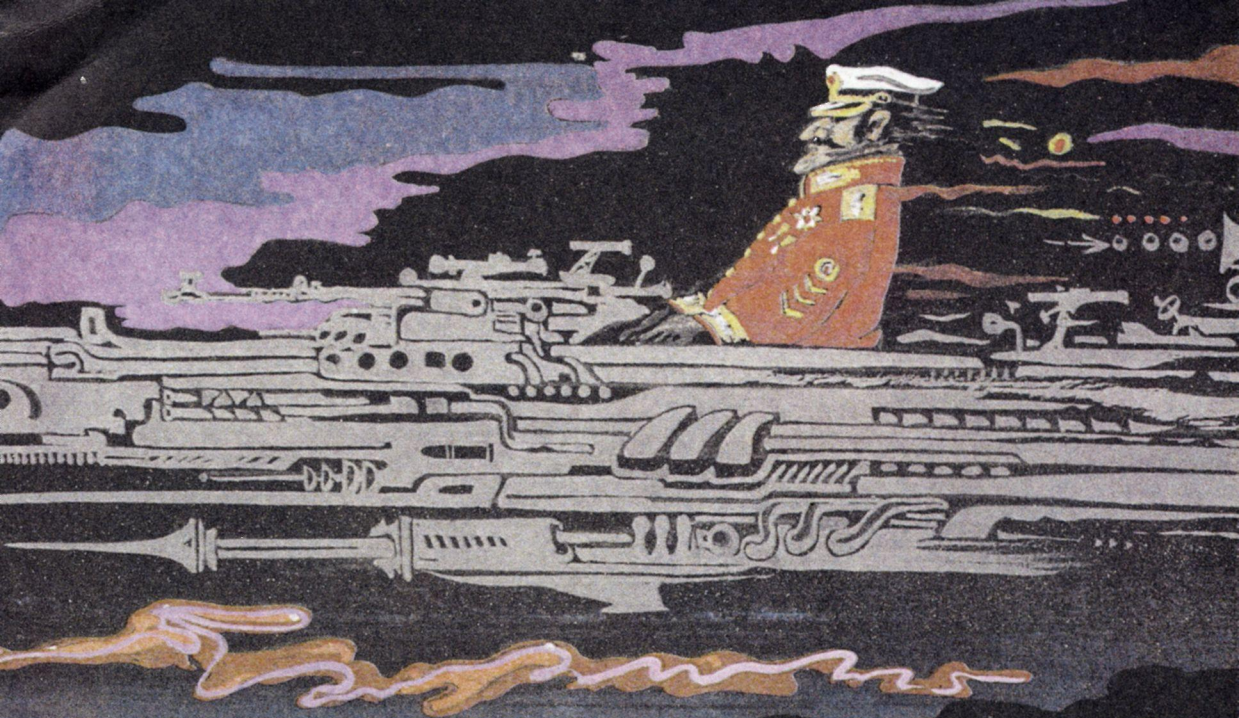
10 РАБОЧАЯ 1987 СМЕНА

«ОН ВЕДЬ У НАС ЕЩЕ МАЛЕНЬКИЙ...»
Перестраховка — тормоз самостоятельности.
Дайте настоящее дело!

машина времени

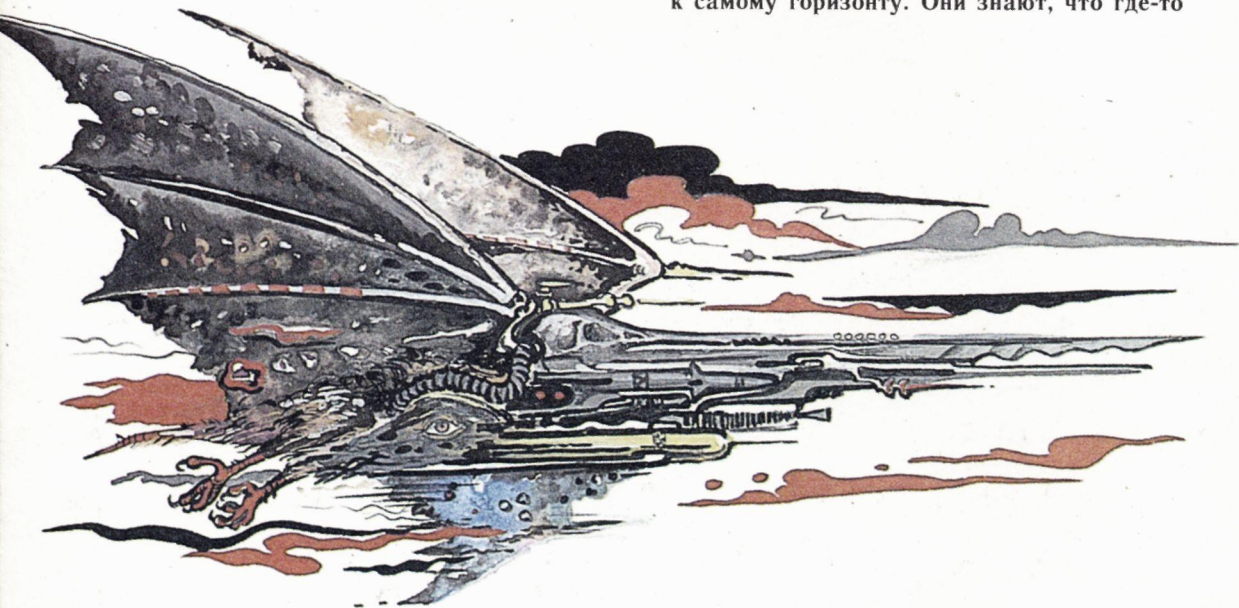
Сергей ТРУСОВ

ОПЕРАЦИЯ "НЕПУЧАЯ МЫШЬ"

рассказ

Смесь страха, брезгливости и отвращения — сильное чувство. Оно может возникнуть внезапно и по совершенно необъяснимым причинам. Например, еле слышный шорох. Полная тишина, и вдруг... Легкое, почти неуловимое движение воздуха, будто шуршание крыльев летучей мыши. Вынырнула из темноты, шарахнулась в сторону, и нет ее. Исчезла.

Глен вздрогнул и посмотрел вверх.

Над головой все то же неизменное пасмурное небо, в котором нет ни солнца, ни птиц, а лишь тяжелые тучи, похожие на застывшие комья грязной глины. Вокруг, куда ни глянь, — бескрайний плац из серого бетона. Он словно отражение неба: такой же бесконечный, угрюмый и неподвижный. Две человеческие фигуры на нем кажутся черными точками. Они приближаются.

Глен пятится назад. Но тщетно. Мгновение — и люди рядом. Первый идет с опущенной головой. Лица не видно, руки связаны. Второй — здоровенный детина в форме цвета хаки — шагает следом. За спиной у него карабин, на губах бессмысленная улыбка, в пустых глазах — свинец.

«Убийца!» — догадывается Глен и, отшатнувшись, пытается вытереть вспотевший лоб.

Но что это? Руки связаны за спиной, а сам он молча бредет, глядя на бетон под ногами. Сзади слышатся чьи-то шаги. Глен оборачивается.

Тернер.

Арнольд Тернер — его школьный товарищ и лучший друг. Его конвоир.

Глен недоуменно смотрит на ноги Тернера. Они обуты в армейские ботинки на толстой подошве. Переводит взгляд на свои — они босые.

— Арнольд! — кричит Глен и не слышит собственного голоса.

Тернер улыбается, движением головы делает ему знак следовать дальше. Глен повинуется.

Они идут по серому полю, которое тянется к самому горизонту. Они знают, что где-то

впереди есть стена. Еще немного — и они ее увидят.

Глен вглядывается и, кажется, что-то напоминает. Этот плац — космодром, с которого не так давно стартовал челнок с двумя астронавтами. Их имена — Глен Гортон и Арнольд Тернер. Да, именно так, вот только...

Тяжелый приклад с силой врезается между лопаток. Задохнувшись от боли, Глен делает несколько шагов и оборачивается.

Глаза Тернера ничего не выражают. Все, о чем он думает, можно прочесть в черном отверстии ствола карабина.

— Ненавижу! — сквозь зубы шепчет Глен.

Тернер равнодушно пожимает плечами, забрасывает карабин за спину и, достав из нагрудного кармана жевательную резинку, принимается неторопливо ее разворачивать.

— Ненавижу...

Бортовой компьютер отсчитал положенное время и разбудил астронавтов. Они

проснулись одновременно. Сняв с головы мягкий обруч, Глен посмотрел на Тернера. Тот улыбнулся и кивнул:

— Доброе утро.

— Привет, — буркнул Глен, отметив, что настроение у него никудашное.

— Неплохую штуку придумали наши яйцеголовые. — Тернер подбросил в руке свой обруч. — На Земле у меня самым мучительным временем было утро, а здесь раз — и ты уже на ногах.

Глен промолчал. Лично он не мог похвастать своим самочувствием, и его раздражали душевные излияния здоровяка Тернера. Так повторялось каждое утро. Через час-другой станет легче, а пока...

— Что-то у меня голова раскалывается.

Тернер озабоченно заморгал.

— Вообще-то ты выглядишь неважно, — заметил он. — Может, проконсультируешься с центром?

— Да ну их. Просто, наверное, какая-нибудь дрянь приснилась.

— Но мы же подсоединены к компьютеру. Это гарантия от всяких сновидений.

— Ну, не знаю! — огрызнулся Глен. — Отстань.

Тернер обиженно отвернулся. Глен пожалел о своих словах, но только на миг. В последнее время они все больше и больше отдалялись друг от друга, и Глен с ужасом ощущал, как в нем закипает ненависть. Это было необъяснимо. Тернер оставался все таким же весельчаком и балагуром, а Глен... Порой он незаметно подглядывал за Арнольдом, будто ожидал от него подвоха.

Наверное, самым разумным было бы рассказать все Арнольду и, возможно, проконсультироваться с врачами центра, но Глен не мог этого сделать. Во-первых, он теперь боялся Тернера и не доверял ему, а во-вторых, хорошо знал, что ждет астронавта, у которого начинают пошаливать нервы. Окончательный диагноз будет составлен с убийственной вежливостью и зачитан с неподдельным сожалением в голосе. Оставался единственный путь, тот, что вел в тупик. Глен устал бороться с самим собой.

Молчание затягивалось.

Тернер старательно делал вид, что изучает показания приборов. Необходимости в этом, разумеется, не было — о любых нарушениях тотчас сообщал компьютер. Сообщал голосом или прямо выходил на сознание человека. Клавиатура, дисплеи, индикаторы и прочие атрибуты заурядной ЭВМ — все это пока еще имелось на борту. В мыслях человек привык оперировать абстрактными категориями, а для диалога с машиной нуждался в тумблерах и лампочках, которые играли роль общего знакомого. Но люди изучали компьютер, компьютер изучал людей и самого себя, человек все реже обращался к расшифровке возни-

кающих в голове образов, значит, на верном пути находился и компьютер.

Военные быстро оценили возможности нового направления электроники. Мгновенная реакция, фантастическая точность расчетов вместе с чисто человеческой интуицией, с выверенными самой природой инстинктами были бы идеальными качествами будущих космических солдат. В общем, компьютеры фирмы «Хьюс» вызвали самое пристальное внимание со стороны правительства.

Глен зевнул.

Тернер чуть повернулся в кресле, осторожно стрельнул глазами и вновь устался на контрольную панель. Глену стало советно.

— Как насчет завтрака? — примирительно спросил он. — У нас сегодня множество дел.

Завтрак, как пишут в газетах, прошел в дружественной обстановке. Правда, Глену это стоило определенных усилий, но выглядело все пристойно. Тернер не умел долго обижаться и, видя, что его друг пребывает в нервном состоянии, старался проявить максимум такта. Забавно было наблюдать, с какой неуклюжей заботливостью он пытается предупредить желания Глена.

— Апельсиновый сок, Глен?

И он подавал сок.

— А как насчет кофе?

И он варил кофе.

Тернер розовел от удовольствия, если ему удавалось вызвать подобие улыбки на лице товарища. Поначалу Глен внутренне потешался, но потом исподволь стал чувствовать легкую досаду. Теперь ему казалось, что они разыгрывают жалкий спектакль, смысла которого не понимают. Неясны были роли, общий сюжет и предстоящая развязка. А в том, что она наступит, Глен не сомневался. Слишком велико было напряжение, и слишком тяжелая досталась ему роль. Только лишь работа ненадолго отвлекала Глена от изнурительного самокопания.

Тернер надел обруч и набрал на клавиатуре запрос о состоянии внешнего контейнера. По тому, как он удовлетворенно кивнул головой, стало ясно, что компьютер сообщил об отсутствии неисправностей.

Глен тоже надел обруч и включился в работу. Вдвоем с Тернером они проверили целостность всех управляющих схем контейнера. Это было непростым делом, и время от времени приходилось подстраховываться старым испытанным способом — выводить дублирующие надписи на дисплей.

Внезапно Глен понял, что их вызывает центр.

Голос генерала Хэллмана был, как всегда, бодр и полон оптимизма.

— Как дела, ребята?

Компьютер автоматически включился на передачу.

— Порядок, генерал, а у вас?

Генерал засмеялся:

— Гортон, отвечайте голосом, а то «Малыш» выдал целую гору ваших соображений по поводу моей формы. Вы очень зримо меня представили, начиная от кокарды и кончая начищенными ботинками. Впрочем, то, что у вас все о'кей, я понял.

Глен смутился. Он мысленно ответил генералу и, конечно же, сопроводил ответ образом того, к кому обращался. В день отлета Хэллман при всех регалиях стоял на взлетной полосе и махал рукой. Таким он и запомнился Глену — добродушным фермером в генеральском мундире.

Глен перевел переключатель в положение «Голос» и вслух произнес:

— Извините, генерал, у нас действительно все о'кей.

— Ничего, ничего,— весело пророкотал Хэллман.— В ваших мыслях не было ничего оскорбительного. А почему я не слышу Тернера?

— Я здесь, генерал. Гортон прав, у нас все в норме.

— Рад за вас. К «Малышу» привыкли?

— Да, вполне сносен.

Глен подумал, что военные чины не слишком склонны к разнообразию в именах своих детищ. «Малышом» окрестили бомбу,

сброшенную на Хиросиму, а теперь этот чудо-компьютер. Благо, хоть они с Тернером не могут обмениваться мыслями. Психологи настояли на исключении этой возможности.

После окончания связи наступила тишина. Голос генерала исчез, как будто его и не было. Хэллман наделал шуму и, не сообщив ничего конкретного, пропал. Это было в его духе.

— Ну что, продолжим?

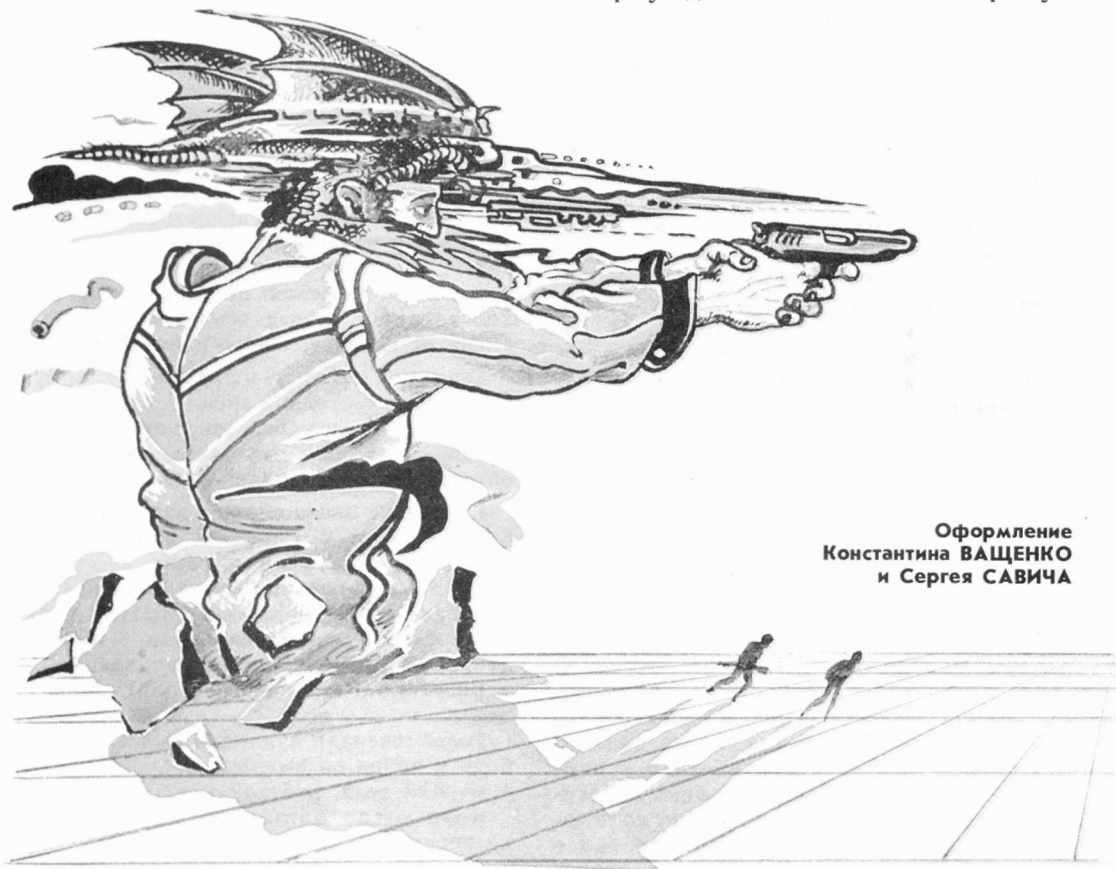
Они вхолостую прогнали программу вывода на орбиту спутника, оснащенного лазерной установкой. Сам спутник находился во внешнем контейнере и представлял собой безвредную копию настоящего космического надсмотрщика. Пока безвредную. Ведомство, в котором служили Гортон и Тернер, строило далеко идущие планы.

— Порядок,— произнес Тернер и повернулся к Глену.

— Можно начинать.

Глен явственно увидел, как разошлись створки контейнера и оттуда, поблескивая боками, выползло тридцатитонное металлическое чудовище. Он сидел в кресле и, зажмурив глаза, боролся с соблазном взглянуть на экран телемонитора. Глен давно понял, что гораздо лучше Тернера воспринимает послания «Малыша», и старался развить в себе эту способность.

Спутник оторвался от корабля и стал быстро уходить. Он был похож на короткую

Оформление
Константина ВАЩЕНКО
и Сергея САВИЧА

трось, с одной стороны которой находился сферический набалдашник, а с другой — купол зонтика, выгнутый в обратную сторону.

Глен представлял не только внешний вид спутника, но и, в общих чертах, работу всех основных узлов. Перед ним, словно на чертеже, развертывались внутренности «набалдашника». Бортовая ЭВМ, устройства связи, преобразователи солнечной энергии, блок управления лазерной установкой... Мысленный взгляд Глена перескакивал с одного условного обозначения на другое, и всякий раз в голове будто щелкало: «В норме... В норме... В норме...» Это походило на сложную игру, в которой оба партнера достойны друг друга. Глену показалось даже, что «Малыш» испытывает удовольствие оттого, что ему попался понятливый собеседник.

Существовало мнение, что вскоре на таких вот кораблях надобность в людях отпадет. Глен этому не верил. Военный робот, как и военный человек, в решающий миг должен действовать, учитывая массу обстоятельств. Машины были не способны на это, поскольку не имели ни интуиции, ни жизненного опыта. Быстрота, с которой они анализировали ситуацию, достигалась за счет однозначности восприятия. К примеру, «Малыш». Он хоть и был самообучающимся компьютером, но не знал разницы между учениями и настоящими боевыми действиями. Подобное знание лишь повредило бы ему. Чем больше бы он знал, тем больше бы сомневался. Как человек.

Диалог с «Малышом» становился все быстрее. Они все лучше понимали друг друга, и Глен решил проверить свою мысль.

«Общий тест», — приказал он, и тут же по всей схеме спутника пронеслась зеленая волна, сигнализируя о соответствии реальных и эталонных характеристик.

«Огонь!» — мысленно командовал Глен. «Сбой!» — излучатель лазерной пушки полыхнул красным.

«Все в порядке», — ответил Глен. — Лазер фиктивный. Предусмотрено человеком». «Малыш» успокоился. Мигнул еще один зеленый огонек и погас.

Глен улыбнулся и позволил себе слегка расслабиться. Он вновь подумал о Тернере. Вот он, рядом. Лоб нахмурен, губы дудочкой, глаза прикрыты. И вроде неплохой парень — уж Глен-то знает! — а все-таки есть в нем что-то такое...

Глен машинально повел плечами, будто возражая самому себе — что, мол, в нем такого?

И опять словно какой-то голос принялся уверять его, что Тернер — тип скользкий, на уме у него всякое может быть, а потому лучше за ним присматривать.

Глен мотнул головой и снял обруч. Зачем «Малышу» выслушивать разные бредни.

Глен чувствовал страшную усталость. И так измотался с компьютером, а тут еще этот Тернер. Чтоб он провалился куда-нибудь! Маячит перед глазами, как неприкаянный... Мысленно Глен окинул взглядом прошлое и убедился, что оно накрепко сплелось с образом вездесущего Тернера. Прямо наваждение какое-то! В памяти один за другим всплывали эпизоды с обязательным участием этого проныры. Вспомнилось почему-то совершенно забытое.

...Еще совсем детьми повадились они с Ариольдом Тернером лазить по пещерам недалеко от города. Керосиновые фонари, веревки, фляги с водой да плюс еще самодельные карты с черепами и крестиками.

Однажды Глен сильно испугался в темноте. Откуда-то из глубины пещеры вдруг вылетела летучая мышь и перед самым лицом метнулась в сторону. От неожиданности он онемел и долго потом приходил в себя, заикался, лепетал что-то невразумительное. С тех пор Глен терпеть не мог летучих мышей и от одной мысли об этих тварях его охватывало омерзение. Вот и сейчас Глен явственно испытал то полузабытое детское ощущение испуга.

Глен растерянно осматрелся. Нет, он по-прежнему на борту челночного корабля. Откуда летучие мыши? Неужели он так переутомился? На его счету ведь есть гораздо более долгие полеты, и никогда ничего подобного не было. Может, и вправду сказывается почти непрерывный контакт с «Малышом»? Но почему тогда Тернер в порядке, разве что чуть обеспокоен поведением Глена? Вопросы, вопросы... Он смертельно устал от них. Но отдохнуть удастся лишь дома, а сейчас работа. Долг. Обязанность. Приказ.

Глен со вздохом напялил на голову обруч.

Спутник был уже довольно далеко и, плывя среди звезд, казался серебристой рождественской игрушкой.

«Раскрыть солнечные батареи», — приказал Глен и увидел, как выдвинулись две блестящие плоскости, переломились пополам и застыли в форме приплюснутой буквы М.

То, что получилось, трудно было принять за творение человеческих рук. Диковинная птица расправила крылья и парила во тьме, упиваясь одиночеством и чувством силы.

Гортон следил за ее полетом, беспомощно сознавая, как в нем формируется жутковатая аналогия.

Летучая мышь. Она тоже появляется, когда темно, и летает совсем неслышно.

До слуха Глена донесся мерзкий шелест перепончатых крыльев и тоненький сдавленный писк. В лицо дохнуло холодом подземелья, правая рука дернулась, будто по ней царапнули острые коготки. Глен замер, судорожно глотнул и с головокружительной высоты полетел в пучину страха.

Губы искажил беззвучный хрип, глаза побелели, пальцы вцепились в воздух. Вокруг заплясали какие-то тени, а потом Глен увидел Тернера.

Лицо. Недобрые глаза, поджатые губы. Клац-клац...

Патрон вошел в ствол, и Тернер поднял карабин.

Глен вскрикнул и бросился бежать. Быстрей, быстрей, быстрей... Он мчался по подземному лабиринту, а за ним гигантскими прыжками неслась его собственная тень. Дрожало пламя керосиновой лампы, и целая стая летучих мышей в панике металась под низким потолком.

Внезапно все исчезло, и Глен увидел, как по самому краю бетонного плаца медленно движутся две человеческие фигуры. Они все ближе и ближе. Первый — со связанными руками, второй — с карабином...

— Глен, вы меня слышите? Говорит Хэллман. Глен!

— Слы-шу,— прошептал Глен.

— У вас же есть оружие!

— Есть...

— Почему вы медлите? Тернер убьет вас!

— Убьет...

— Глен, защищайтесь, черт возьми! Это приказ!

Глен нащупал пистолет и медленно раскрыл глаза. Тернер сидел в кресле и, кажется, дремал.

— Глен, что вы копаетесь?! Тернер не тот, за кого себя выдает! Стреляйте!!

Глен поднял пистолет и выстрелил. Тело Тернера дернулось, замерло. Глен потерял сознание.

В маленькой комнатке, доверху набитой электронной аппаратурой, находились трое. Сидя за круглым столом, они напоминали карточных игроков, которые провели здесь ночь. Но карт на столе не было. Вместо них возвышался сифон с водой, стояли стаканы и пепельница, полная окурков. Было также непонятно, какое сейчас время суток — комната не имела окон и освещалась двумя лампами дневного света.

— Вот и все,— генерал Хэллман достал платок и приложил ко лбу.— Ужасно, господа, но приходится идти на жертвы.

— Бросьте, генерал, мы не журналисты,— человек в белом халате поверх мундира скривил губы.

Хэллман метнул в него негодующий взгляд, но промолчал.

Третий из присутствующих был в штатском. Его лицо напоминало неподвижную маску, и только блеск глаз выдавал живого человека.

— Если я правильно понял,— произнес он,— операция «Летучая мышь» еще не закончена?

— Нет, мистер Джейсон. В настоящее

время, в полном соответствии со второй частью операции «Летучая мышь», наш компьютер внушает Глену мысль о самоубийстве.

— И все-таки, как вы этого добились?

— Э-э...— Хэллман сосредоточенно сдвинул брови.— Эффект обратной связи. Впрочем, вам это объяснит доктор Бронс.

Человек в халате, доктор Бронс, живо откликнулся:

— Как известно, в детстве человек наиболее эмоционален. Пережив какое-нибудь сильное потрясение, он на всю жизнь сохраняет о нем воспоминания. У Глена это страх перед летучей мышью. Мы вызывали в его подсознании лишь намек на это безобидное существо, а Гортон впадал в необъяснимый ужас. Если можно так выразиться, самый страшный страх — это тот, причина которого непонятна.

— Все же мне не совсем ясно,— произнес Джейсон.— Пусть Гортон боится летучих мышей, но почему он с такой легкостью пошел на убийство?

Бронс поправил очки и терпеливо продолжал:

— Видите ли, у каждого человека есть в подсознании запретные зоны, куда он сам при всем желании проникнуть не может. Наши специалисты выявили у Гортона один из таких центров и воздействовали на него во время сна. Гортон испытывал страх, пережитый им в детстве, не зная его причины. Потом, опять же во сне, появлялся Тернер. Его поведение было ужасно, и Гортон, проснувшись, непроизвольно переносил свой страх и ненависть к летучим мышам на ничего не подозревающего Тернера. Ну, а остальное уже дело техники генерала Хэллмана.

— Значит ли это, что с помощью вашего компьютера можно заставить человека делать что угодно? — брови мистера Джейсона вопросительно изогнулись.

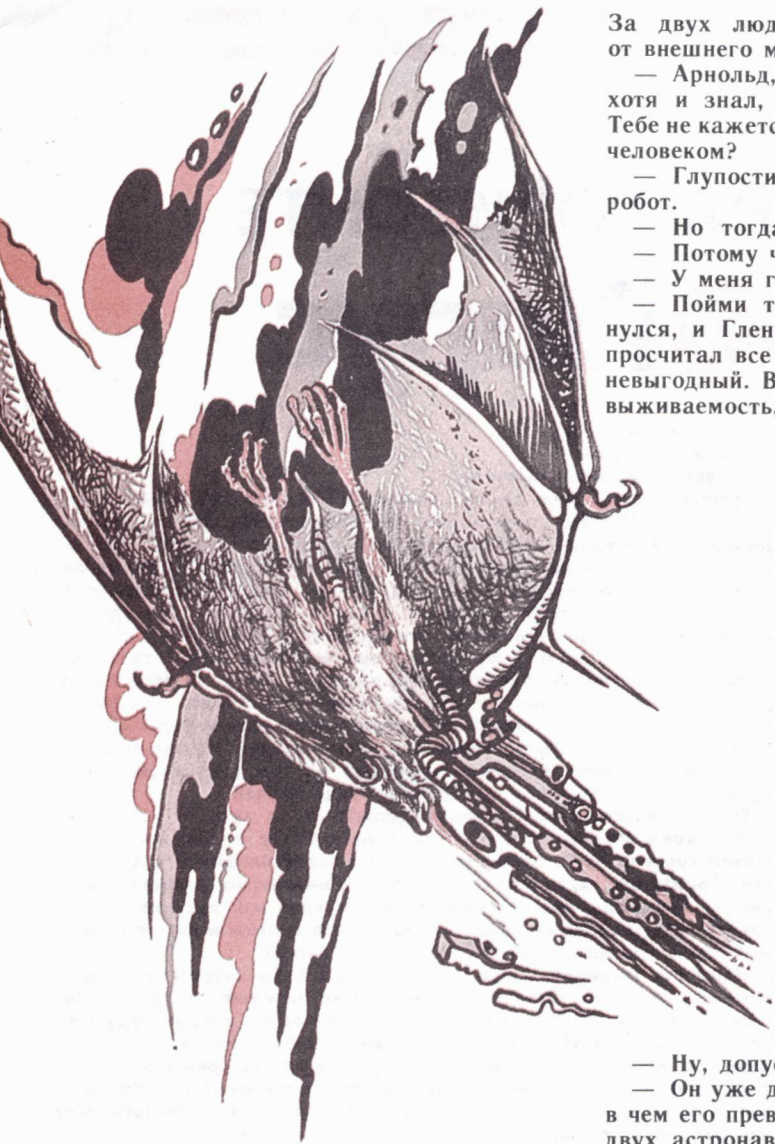
— Да, для того, чтобы проверить это, мы и настояли на второй части операции. Одно дело — убить кого-нибудь, а другое — себя.

— С помощью «Малыша» все можно,— безапелляционно заявил Хэллман.— В звездной войне он будет незаменим. Кстати, смотрите...

Все трое повернули головы. На обоих экранах, под которыми значились имена астронавтов, теперь бежали ровные светящиеся линии.

— Глен покончил с собой,— произнес генерал и, помедлив, невнятно добавил: — Он выполнил свой долг.

Ему никто не ответил. Джейсон и Бронс смотрели на экраны. Генералу вдруг показалось, что все они находятся в отсеке космического корабля и летят неизвестно куда, опекаемые бдительным «Малышом». Откуда-то потянуло холодом.

— Кстати, насчет журналистов, — нарушил тишину Джейсон. — Не пора ли сообщить сенсацию?

— Вы правы, — встрепенулся Хэллман. — Это будет сенсация века.

Он на миг зажмурился, представив броские заголовки газет: «Ссора астронавтов», «Убийство на орбите», «Компьютер возвращает корабль», «Малыш» неподвластен эмоциям».

— Это будет хорошая реклама и фирме «Хьюс», и нашему «Малышу».

— И вашим акциям, — вполголоса добавил Бронс.

Корабль шел на посадку. «Малыш», подерживая связь с центром, исправно выдавал требуемую информацию. Теперь он был кораблем и отвечал за каждую деталь своего тела. За каждый отсек, шов и заклепку. А также за то, что находилось внутри.

За двух людей, наглухо изолированных от внешнего мира.

— Арнольд, — Глен говорил шепотом, хотя и знал, что их никто не слышит. — Тебе не кажется, что «Малыш» стал немного человеком?

— Глупости, Глен. Он всего-навсего робот.

— Но тогда почему он помешал мне?

— Потому что он очень сложный робот.

— У меня голова кругом идет.

— Пойми ты наконец! — Тернер повернулся, и Глен невольно отвел глаза. — Он просчитал все варианты и отбросил самый невыгодный. Ведь он запрограммирован на выживаемость, понял?

— Ну, допустим.

— Он уже давно убедился, что люди кое в чем его превосходят и смерть одного или двух астронавтов лишь ослабит его.

— А зачем он тогда рассказал все нам?

— Он не мог не выполнить приказа с Земли. Потому решил угодить и им, и себе. Заметь, что не нам, а себе, ибо считает нас своими придатками! А рассказал, чтобы мы сидели тихо и не мешали ему вести игру с центром. Ему ведь главное вернуть корабль и сохранить себя, то есть нас, а что дальше — ему наплевать.

— А что дальше, Арнольд?

— Не знаю.

— Арнольд, я ведь видел, как убиваю тебя.

Тернер усмехнулся:

— Ты видел то, что тебе показал «Малыш». Он ведь выполнял приказ, который ему не нравился, и поэтому не довел его до конца. В этом он, действительно, похож на человека... Смотри-ка, какая толпа нас встречает.

Глен вернулся к иллюминатору. По взлетной полосе бежали люди.